

Анисимов Вячеслав Иванович 19.04.85 04.1985

НА СМЕНУ
Г. СВЕРДЛОВСК

19 APR 1985

Все, что я слышала о режиссере Свердловского академического театра драмы, заслуженном деятеле искусств РСФСР Вячеславе Анисимове от других и в чем имела возможность убедиться лично, довольно легко разделялось на две графы. Выглядят они так:

1. Сух, мал и лыс. 2. Вспыльчив до агрессивности. 3. Местный и своенравный. 4. Самоуверен, нетерпим и критичен. 5. Профессионален.
1. Строен и большелоб. 2. Эмоционален, но отходчив. 3. Обаятелен и контактен. 4. Умен, уверен в себе. 5. Профессионален.

Ясно, что оценка зависела от того, каким глазом смотреть — доброжелательным или нет. Попробуем же взглянуть двумя глазами: таким и эдаким, чтобы максимально приблизиться к истине. А объект изучения интересный: безусловно, личность, безусловно интересного режиссера. Не зря в пятом пункте графы сходятся.

человек и профессия

РЕЖИССЕР

1. — Самое трудное в моем утреннем туалете, — томно сказал Вячеслав Иванович, доставая крошечную расческу, — это причесаться. Я недавно измерил свой лоб — оказалось 32 сантиметра.

Узкое зеркало в актерском фойе театра показало тонкого человека с почти изысканной внешностью: острый подбородок и нос, сухой рот, пристальные глаза.

— Да, я неотразим, — грустно сказал отражение. — Мне всегда приходилось затрачивать массу умственной и мускульной энергии, чтобы наладить контакт с людьми...

2. Шла световая репетиция будущего спектакля «Рядовые». Выстраивался световой рисунок и одновременно пробовалась не собранная еще на одну пленку фонограмма. До премьеры оставалась неделя, а спектакль походил пока больше всего на стройплощадку: панели, рамы, перекрытия отдельно, а кой-чего вообще нет. «Как он все это соберет?» — с опаской думала я.

Он — Анисимов — стоял на сцене спиной к залу и командовал: — Галля! Дай-ка мне второй желтый софит! Так. Не пойдет. Давай с моста. Так. Эх, теперь зал засвечивается... Нет.

Взмокший, спустился в зал. Сел, сказал сам себе: «Свет нужен маленький и теплый». И снова оглушительно: — Малягина, Бакиров, вашу сцену!

Из-за кулис вышли актеры, начался дуэт медсестры Лидки и молоденького солдата Одуванчика, светлый, робкий и шемящий в эту военную ночь.

— Мы уедем с тобой далеко-далеко, где никогда не было войны, — шептала Лидка, прижимая к себе голову Одуванчика.

Вспышка и удар грома заставили подпрыгнуть.

— Хорошо! — прокричал режиссер невидимому звукооператору. — Теперь шум дождя. Ага! Ребята, подымайтесь, отходите к середине сцены, — это актерам.

— Круг... пошел! Пошел круг! Пошел или нет, елки-палки!

Круг наконец двинулся. Поплыла огромная декорация разрушенного собора и в ней два человека — два юных лица, запорошенных к небу.

— Вальсочек, вальсочек пошел, доверенный, нежный, воспоминание... Шум дождя продолжается.

— Слушайте, ребята, — вдруг оживился он, взбежал на сцену. — А давайте сделаем здесь настоящий дождь. Гимнастерки прилипают к телу, по лицам бегут капли — очищение, омовение... Ну давайте сделаем дождь.

почти просил он. — Сцена мокрая будет, Вячеслав Иванович.

— Сцена мокрая будет, — с сожалением повторил Анисимов, — а я хочу дождя.

При всей остроугольности своей фигуры он походил сейчас на громовержца, озадаченного тем, что до сих пор его слушались громы и молнии, а тут какой-то дождь отказался.

После напряженной трехчасовой репетиции Вячеслав Иванович с жаром — он все делает с жаром — объяснял, почему он менее всего любит последний, выпускной период подготовки спектакля.

— Любимое для меня время — первые репетиции, когда не нарушена еще свежесть восприятия пьесы, начинается углубление в драматургию. Идут споры-поиски причин и следствий поведения героев, ищутся нюансы выражения внутренней жизни. В разговорах этих участвуют все актеры. Вот это я называю творчеством, притом коллективным. А на сцене на первый план выходит производственный круг, свет, радиопех, грим. Каждый должен в совершенстве изучить свой маневр. До той поры координировать их действия... тяжело. А актер вдруг становится маленьким и беспомощным на просторстве сцены, все набранное в репзале уходит сквозь песок. Почему нельзя скупиться на долгие обсуждения: чем больше накоплено на репетициях, тем скорее актер выживет. В общем, пока соберешь этот карточный домик, поневоле закрочишь...

А мне показалось, что Анисимов кое-где шумит с удовольствием. Как бы чуточку играет в грозного, громогласного, но в общем добродушного режиссера. Что ж, актерскую природу в человеке его профессии никакая не денешь. Репетиции — его бенефис.

3. Вот что рассказывают об Анисимове давно работающие с ним актер В. Мелехов и народный артист РСФСР В. Воронин.

Он взрывной, импульсивный, когда-то мог даже выгнать с репетиции. Но все это ему прощается, потому что за этим стоит покоряющая увлеченность. За некоторой, хм... эксцентричностью — интересы спектакля. Он знает будущий спектакль на порядок выше актеров. Он его видит. Ни

разу не пришел на репетицию неподготовленным — все продумано, выстроено. Но к мнению актеров относится очень чутко, не только просит — требует их точки зрения. В спорных случаях готов уступить, если аргументы «противника» основательны. Но если в чем уверен — не сдвинешь.

— Не сдвинешь, — подтверждает Анисимов. — А что бы вы хотели? В театре без диктатора нельзя, иначе получится разногласия... Самая большая наша беда — постоянный состав труппы. В ней не бывает идеальных исполнителей на все роли. Есть Джульетта — нет Ромео, и наоборот. Все равно кто-то будет назначен компромиссно. А потом иногда приходится снимать с роли. Жестоко? Да. Но что сказал Товстоногов? «Доброта режиссера — в его жестокости». Я до сих пор этому как следует не научился...

Был, между прочим, такой случай: сидел Вячеслав Иванович дома вечером, разбирал пьесу, влез в нее с головой. А жена имела неосторожность пригласить его ужинать. Он взорвался: «Какой ужин?! Ты видишь, я читаю, я... ушел!». Жена, конечно, обиделась.

Как это квалифицировать? Как похвальную способность погружаться в работу полностью или просто как дурной характер? А вот это — смотря каким глазом глядеть.

Но каким ни гляди, отрицать обаяние Анисимова трудно. «С ним приятно работать», — говорили и актеры, и работники цехов. Обаяние можно объяснить чисто функционально: угрюмого режиссера менее охотно слушались бы. Сам Вячеслав Иванович считает, что обаяние — свойство, которое вырабатывают долговременными напряженными усилиями. Но, по-видимому, скачок, о котором говорит диалектика, уже произошел: количество превратилось в качество личности. Мало того, известную долю обаяния режиссер передает и своим спектаклям. Вспомним романтического «Дикаря», шемящее «Пятое время года», суровых и мудрых «Рядовых»...

4. — Ух, эта критика... Я не о всякой критике говорю. Ведь что особенно обидно: забвение труда всего творческого коллектива. Можно подумать, критики боятся, что их упрекнут в доброже-

лательности. Это, и это, и это у вас нехорошо. А тридцать человек два месяца изо дня в день работали над спектаклем, отдали пропасть сил, дорожили им.

— Но ведь судят не по процессу, а по результату труда, Вячеслав Иванович.

— Не худо бы критикам взглянуть и на процесс. Разве можно написать толковую

рецензию с одного просмотра? Так делается, не спорьте. Второе обидно, когда человек, общавшийся со спектаклем два часа, ругает того, кто общался с ним два месяца.

— Это только вы так болезненно воспринимаете критику своего детища или это общережиссерское свойство? — Да, насколько я знаю! — Вам бы хотелось, чтобы вашу работу только хвалили?

— Нет. Нам нужна критика, но доброжелательная, умная и конкретная. Единственную рецензию, где меня разбили по всем пунктам, я читал с удовольствием: это рецензия на «Пятое время года». Критик совершенно не согласился с нашей трактовкой пьесы, но сделал это с таким уважением к работе творческой группы, с таким знанием дела, что, как ни парадоксально, приятно было читать.

— Но если вы для себя уверены в правильности того, что вы делаете, почему так ранят плохие отзывы?

— Э, да разве я уверен! Это я для окружающих должен быть уверен. А внутри у меня, может, целый комплекс неполноценности развился. Но, конечно, что сделано, за то надо биться.

— Вы не одиноки. В «Рабочих тетрадях» Г. Козинцева есть строки: «Как я завидую людям, которым нравится их работа! Для меня буквально каждый кадр мучение».

— Я не достиг еще той величины, когда каждый кадр — мучение, — смеется Анисимов. — Есть у меня «вотчина», где я сам себе хозяин, никого не слушаю. Это музыкальное оформление спектаклей.

Чувство доверия к себе родилось во время постановки «Дикаря». Романтической пьесе Касона надо было найти музыкальный эквивалент. Требования к нему предъявлялось много: он должен быть светлым, страстным, печальным, увлекающим...

Анисимов перебрал горы записей: — от Моцарта до Теодоракиса. Остановился на «Романсе» Г. Свиридова из музыки к кинофильму «Метель». Над ним смеялись: «Испанский драматург — и Свиридов?!». Худсовет возразил, премьера откладывалась. В самый трудный момент его поддержала актриса, чутко которой он доверял: «Вячеслав Иванович, не сдавайтесь». Вероятно, он не сдался бы и так, но

почувствовал себя увереннее. Музыка Свиридова осталась. И сейчас даже странно представить себе «Дикаря» без пленительной силы «Романса».

5. Итак, графы сходятся.

«В каждом искусстве начинается пора, когда приходит время мудрости», — есть в тех же «Рабочих тетрадях» Козинцева.

Десять лет работает Анисимов в Свердловском театре драмы, поставил двадцать спектаклей. «Я мать-героиня», — горделиво говорит он. В известном смысле это так. Каждый спектакль требует огромного напряжения сил. Но сколько ни напрягайся, без запаса конкретных знаний и опыта с места не сдвинешься.

В «активе» Анисимова — режиссерское отделение Свердловского театрального училища, учеба у Г. А. Товстоногова в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии и даже, наконец, далекие курсы игры на баяне, которые он окончил в шестнадцать лет.

Конкретные знания приобретаются к каждому спектаклю. Когда ставились «Магеланы», Анисимов изучил массу материала по метро-и тоннелестроению. При всех театральных условностях зрительный ряд спектакля должен быть максимально достоверным. Когда ставился «Доктор Назаров», Вячеслав Иванович погрузился в область медицины, так что до сих пор шеголеет латинскими названиями костей скелета. Перед «Рядовыми» были прочитаны кипы документов о последнем периоде войны, о поведении гитлеровцев и мирных немцев, о поведении советских солдат, прослушаны километры пленки в поисках музыки.

С «Рядовыми» Анисимов сейчас еще не «рассчитался», хотя премьеры уже играют: хочет перед началом спектакля и в антракте дать в зрительское фойе пленку с записями песен военной поры — для целостности впечатления.

Профессионализм Анисимова одухотворяется еще одной чертой, которую В. Воронин определил как «неуспокоенность». При нем нельзя работать плохо. То есть, можно плохо, но нельзя кое-как. Так же и со зрителями — нельзя уйти с его спектаклей не встревоженным.

Подведем итоги. Если сказанное верно, образ Анисимова получился весьма противоречивым, выражаясь красивее — неоднозначным. Но именно на противоречие диалектика указывает как на источник развития, притом единственный источник. Этим качеством и подбожим две такие /разные графы.

Редко-редко, раз в полгода, выходит на премьерных спектаклях на сцену худой невысокый человек в обычной пиджачной паре, странно выглядящий среди рядных артистов. «Это еще кто?» — шепчутся иногда в задних рядах.

А это режиссер. Постановщик. Организатор, дирижер актерского ансамбля. Его зовут — Вячеслав Анисимов.

Т. ТАСКАЕВА.